

По делу «Чемодуров против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

г-на Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты Европейского Суда*,

г-на Л. Лукаидеса,

г-жи Н. Вайич,

г-на А. Ковлера,

г-жи Э. Штейнер,

г-на Х. Гаджиева,

г-на Д. Шпильманна, *судей*,

а также при участии г-на С. Нильсена, *Секретаря Секции Европейского Суда*,

проведя 10 июля 2007 г. совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 72683/01) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Виктором Владимировичем Чемодуровым (*далее* — заявитель), 21 мая 2001 г.
2. Интересы заявителя в Европейском Суде представляли г-жа Г. Агапова и г-жа М. Ледовских, адвокаты, практикующие в г. Воронеже. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) в Европейском Суде представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что властями государства-ответчика было нарушено его право свободно выражать свое мнение.
4. Своим решением, вынесенным 30 августа 2005 г., Европейский Суд объявил жалобу приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. Ни одна из сторон не представила дополнительных письменных замечаний по существу дела.

От редакции. По делу заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что российскими властями была нарушено его право свободно выражать свое мнение в печати. Заявитель, журналист, опубликовал в областной газете статью, в которой назвал губернатора Курской области Александра Руцкого «ненормальным» губернатором после того, как губернатор распорядился своим помощникам «прикрыть» недостачу в областном бюджете, образовавшуюся в результате распраты, за счет переоценки выполненных работ. Руцкой обратился в суд с иском против заявителя о защите чести, достоинства и деловой репутации. Несмотря на то, что суд согласился с изложенными в статье фактами, решение было вынесено против заявителя. Европейский Суд, проанализировав обстоятельства дела, пришел к выводу, что рамки критики в адрес политических деятелей, к которым относится и Руцкой, могут быть шире, чем в случаях частных лиц. Европейский Суд не усмотрел в выражениях, использованных заявителем, злоупотребления журналистской свободой и единогласно счел, что российскими властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции. Суд постановил выплатить заявителю требуемую им компенсацию материального ущерба в размере около одной тысячи рублей и возмещение расходов на адвоката.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указывается (пункт 2): «При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» (*примечание редакции*).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЧЕМОДУРОВ ПРОТИВ РОССИИ»

[CHEMODUROV V. RUSSIA]

(жалоба № 72683/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

31 июля 2007 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1951 году и проживает в г. Курске.
6. 19 июля 2000 г. газета «Курский вестник» опубликовал статью, написанную заявителем, под заголовком «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как “испарился” из областного бюджета еще один миллион долларов». В статье рассказывалось о незаконном присвоении денежных средств из областной казны, выделявшихся на приобретение мебели и производство ремонтных работ, и о невозмутимой реакции губернатора Курской области Александра Руцкого на эти события. В соответствующих частях статьи указывалось следующее:

«Нормальный губернатор в такой ситуации наверняка [получив информацию о незаконном расходовании значительной суммы из бюджетных средств] схватится за голову и ужаснется, начнет выяснять, как и по чьей вине пропали деньги налогоплательщиков, прогонит виновных с работы, обратится в милицию, прокуратуру и

в суд, чтобы ущерб бюджету возместить <...>

Но это логика поведения нормального губернатора. А наш [губернатор], получив письмо руководителя КРУ <...> написал такую резолюцию <...>».

7. В статье затем цитируются указания, данные губернатором Руцким, который рекомендовал своим помощникам провести переоценку выполненной работы так, чтобы списать разницу между выделенными средствами и реально понесенными расходами. Статья завершалась следующим образом:

«Не знаю, как у кого, а у меня такое мнение-суждение: губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным. Уточню сразу на случай судебного иска: я говорю о поведении должностного лица [государства], а не о личности Руцкого, до которой мне нет никакого дела».

8. 1 августа 2000 г. губернатор Руцкой обратился в Ленинский районный суд г. Курска с иском о диффамации² к

заявителю по настоящему делу и редакции газеты «Курский вестник». Губернатор Руцкой счел некоторые сведения, содержащиеся в статье заявителя, не соответствующими действительности и порочащими его честь, достоинство и деловую репутацию, и потребовал взыскать с ответчиков сумму в размере 250 тысяч рублей в качестве компенсации причиненного ему морального вреда. В частности, губернатор счел оскорбительными следующие слова из последнего абзаца статьи: «<...> губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным <...> я говорю о поведении должностного лица [государства] <...>».

9. 19 октября 2000 г. Ленинский районный суд г. Курска частично удовлетворил иски требования губернатора Руцкого. Суд удовлетворил доказательства заявителя, что факты, оспариваемые губернатором Руцким, соответствуют действительности. Что касается последнего предложения в статье, то суд установил следующее:

Фрагмент статьи «... губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным» является мнением автора статьи, однако, данное мнение выражено в оскорбительной форме.

Суд не может согласиться с доводами [заявителя] о том, что под «ненормальным» он имел в виду не личность губернатора, а его поведение. Последующее уточнение автора, изложенное в статье «... я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого ...» не исключает двоякости восприятия, в том числе в оскорбительном значении, так как по смыслу основной фразы, по ее построению «ненормальный» относится именно к слову «губернатор», а не к его поведению.

Суд считает, что нарушенное право истца на доброе имя, честь, достоинство и деловую репутацию подлежит защите на основании статей 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации путем взыскания денежной компенсации морального вреда с его причинителя <...>».

10. Ленинский районный суд г. Курска решил признать данный фрагмент «выраженным в оскорбительной форме, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию Руцкого А.В.» и решил взыскать с заявителя 1000 рублей (42 евро) в пользу губернатора. Остальная часть исковых требований губернатора была отклонена как необоснованная.
11. 4 ноября 2000 г. заявитель подал кассационную жалобу на решение Ленинского районного суда г. Курска. В своей жалобе он указал, что истец вырвал опровергаемые слова из контекста и что суд первой инстанции не проанализировал весь абзац как единое целое. Слово «ненормальный» явно относилось к действиям Руцкого-губернатора как государственного должностного лица и публичной фигуры. Кроме того, согласно авторитетному словарю русского языка, первое значение слова «ненормальный» было «отличный от нормы», а второе и разговорное значение было «сумасшедший, душевнобольной».
12. 28 ноября 2000 г. Судебная коллегия по гражданским делам Курского областного суда оставила решение Ленинского районного суда г. Курска от 19 октября 2000 г. без изменения. Судебная коллегия по гражданским делам Курского областного суда подтвердила вывод суда первой инстанции об оскорбительном значении опровергаемого предложения и отклонила доводы заявителя в следующих выражениях:

«Доводы жалобы о том, что оспариваемая фраза не носит оскорбительного характера, поскольку речь в ней не о личности, а о поведении должностного лица, не могут быть

приняты во внимание, так как суд [первой инстанции] правильно исходил из буквального содержания этой фразы, а предлагаемое в жалобе толкование фразы ее содержанию не соответствует».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

13. Имеющие отношение к делу нормы Гражданского кодекса Российской Федерации гласят следующее:

Статья 150.

Нематериальные блага

«1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом <...>».

Статья 151.

Компенсация морального вреда

«Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, <...> суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда <...>».

Статья 152.

Защита чести, достоинства и деловой репутации

«1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности <...>

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

14. Заявитель жаловался в Европейский Суд на нарушение его права распространять информацию, гарантируемое статьей 10 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей <...>

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, репутации или прав других лиц <...>».

15. Европейский Суд отмечает, что стороны разделяют ту точку зрения, что судебные решения, вынесенные в отношении заявителя по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации, составляя акт вмешательства государства в осуществление заявителем права на свободу выражения своего мнения, как оно охраняется пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Задача Суда состоит в том, чтобы определить, было ли данное вмешательство оправданным в значении положений пункта 2 этой статьи, то есть было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли оно законную цель и было ли оно «необходимым в демократическом обществе».
16. Что касается правовой основы для данного вмешательства, то настоящее дело отличается от предыдущих дел, касавшихся вопроса о свободе выражения мнений, которые были рассмотрены Европейским Судом по жалобам против России. Отличие состоит в том, что по настоящему делу национальные суды признали заявителя ответственным не за то, что он не доказал соответствие распространенных им утверждений действительности в соответствии с требованиями статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (см., например, постановление Европейского Суда от 14 декабря 2006 г. по делу «Карман против России» [*Karman v. Russia*], жалоба № 29372/02, § 31, и например, постановление Европейского Суда от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг против России» [*Grinberg v. Russia*], жалоба № 23472/03, § 26), а за то, что он прибегнул к оскорбительному выражению (слово «ненормальный»), которое было порочащим достоинство губернатора — личное нематериальное благо, защищаемое в силу положений статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации. Заявитель утверждал, что, поскольку понятие «оскорбление» содержится только в уголовном законодательстве, а не в Гражданском кодексе Российской Федерации, то он со всей разумностью не мог предвидеть, что использование им такого нейтрального слова приведет к возникновению гражданской ответственности. Европейский Суд считает, что ему нет необходимости устанавливать, были ли правовые нормы, примененные по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации, сформулированы с достаточной степенью точности, чтобы дать заявителю возможность регулировать свои действия, поскольку вмешательство государства в осуществление заявителем своих прав в любом случае не было «необходимым в демократическом обществе» по следующим основаниям.
17. Европейский Суд напоминает, что при применении критерия «необходимости» вмешательства задача Суда состоит в том, чтобы определить, отвечало ли вмешательство «настоятельной общественной необходимости», было ли оно пропорциональным преследуемой при этом законной цели и были ли основания для вмешательства, выдвинутые национальными властями для его оправдания «важными и достаточными». Оценивая, существует ли такая необходимость, и какие меры надлежит принять при этом, национальные власти располагают определенной свободой усмотрения. Это право на свободу усмотрения не является, однако, неограниченным: оно существует наряду с контрольными функциями Суда в сфере соблюдения прав человека на европейском правовом пространстве, и задача Суда состоит в том, чтобы вынести окончательное постановление по вопросу о том, было ли примененное властями ограничение прав совместимым со свободой выражения мнений, как она защищается положениями статьи 10 Конвенции. При исполнении своих контрольных функций задача Суда состоит не в том, чтобы подменять собой националь-
- ные власти, но проверять — на основе статьи 10 Конвенции и в свете всех обстоятельств дела — правомерность решений, принимаемых на основе своей свободы усмотрения. При этом Суд должен удостовериться, что национальные власти применили стандарты, которые отвечают принципам, воплощенным в статье 10 Конвенции и, кроме того, что национальные власти обосновывают свои решения на приемлемой оценке имеющих отношение к ситуации обстоятельств (см., например, вышеупомянутое постановление Европейского Суда «Гринберг против России», § 26—27, с дополнительными ссылками на прецеденты).
18. Исследуя конкретные обстоятельства того или иного дела, Европейский Суд принимает во внимание следующие факторы: положение заявителя; положение истца по иску о диффамации; вопрос, затронутый публикацией, и юридическая оценка оспариваемых в суде сведений, данная национальными судами; форма выражения, использованная заявителем; санкции, примененные судом в отношении заявителя (см. постановление Европейского Суда от 22 февраля 2007 г. по делу «Красуля против России» [*Krasulya v. Russia*], жалоба № 12365/03, § 35, и постановление Европейского Суда по делу «Иерусалим против Австрии» [*Jerusalem v. Austria*], жалоба № 26958/95, § 35, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-II).
19. Что касается положения заявителя, то Европейский Суд замечает, что он работал журналистом. Суд вновь подтверждает в этой связи, что пресса выполняет жизненно важную функцию в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна переступать определенных границ — в особенности, что касается вопроса о репутации и правах других лиц — ее обязанностью, тем не менее, является распространение — способами, совместимыми с ее обязанностями и обязательствами — информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление Европейского Суда от 24 февраля 1997 г. по делу «Де Хаас и Гейселс против Бельгии» [*De Haes and Gijssels v. Belgium*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-I, § 37, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общество с ограниченной ответственностью “Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии» [*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*], жалоба № 21980/93, § 59, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-III). Свобода журналистской деятельности включает возможность для журналистов прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже к провоцированию гневной реакции (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии (№ 1)» [*Prager and Oberschlick v. Austria (№ 1)*], серия «А», № 313, § 38).
20. Главное острое критики в публикации заявителя было направлено против губернатора области, г-на Руцкого, профессионального политического деятеля, в отношении которого границы допустимой критики шире, чем в случае критики в адрес частного лица (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Красуля против России», § 37, вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Гринберг против России», § 32, и постановление Европейского Суда от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» [*Lingens v. Austria*], серия «А», № 103, § 42). В период времени, фигурирующий по делу, г-н Руцкой баллотировался как кандидат на переизбрание на пост губернатора области. В качестве известного деятеля на

- политической сцене г-н Руцкой со всей неизбежностью и заведомо сделал себя, каждое свое слово и каждый поступок объектами пристального внимания со стороны прессы и рядовых граждан. Европейский Суд подчеркивает, что в этих обстоятельствах он должен был бы в большей степени продемонстрировать терпимость к критическим выступлениям в прессе.
- 21.** Статья заявителя касалась реакции губернатора Руцкого на результаты аудиторской проверки, которая вскрыла существенную нехватку денежных средств в бюджете области. Государство-ответчик и заявитель согласились в том, что этот вопрос мог считаться частью политических дебатов по вопросу, который представляет всеобщий и общественный интерес. Европейский Суд вновь подтверждает в этой связи, что он всегда последовательно придерживался той позиции, что при обосновании ограничений на свободу слова по политическим вопросам государство должно выдвигать весьма серьезные причины для таких ограничений, поскольку широкие ограничения, возлагаемые в конкретных случаях, несомненно, повлияют в соответствующем государстве на соблюдение свободы выражения мнений в широком плане (см. постановление Европейского Суда по делу «Фельдек против Словакии» [*Feldek v. Slovakia*], жалоба № 29032/95, § 83, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрэк против Турции (№ 1)» [*Sürek v. Turkey (№ 1)*], жалоба № 26682/95, § 61, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IV).
- 22.** Главный пункт, по которому мнения сторон по делу разошлись, это оценка слова «ненормальный», данная национальными судами. Ссылаясь на выводы Европейского Суда по делу «Константинеску против Румынии» [*Constantinescu v. Romania*] (жалоба № 28871/95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-VIII), государство-ответчик указало в своих представлениях Суду, что данное слово было использовано для характеристики личности г-на Руцкого, а не его политической деятельности, и что заявитель мог бы изложить свою критику в иных выражениях, не обращаясь к утверждениям, которые порочат достоинство г-на Руцкого. Государство-ответчик указало также, что решением суда с заявителя было взыскана сумма в размере всего тысячи рублей в качестве компенсации причиненного г-ну Руцкому морального вреда.
- 23.** Заявитель же утверждал, что национальные суды не приняли во внимание контекст всей статьи, которая касалась служебной деятельности г-на Руцкого, а не его частной жизни или состояния психического здоровья. Заявитель указал: с тем, чтобы избежать даже малейшего намека на двусмысленность, он прямо написал в статье, что имеет в виду действия г-на Руцкого, а не его личность. Последовательное прочтение текста статьи показало бы, что заявитель сначала рассмотрел вопрос о том, какие действия должен был бы предпринять тот или иной «нормальный» губернатор в аналогичной ситуации, а затем высказал свою точку зрения на реакцию г-на Руцкого на результаты аудиторской проверки. Наконец, заявитель подчеркнул, что в своей публикации он не указывал, что губернатор был вообще ненормальным человеком; оценочное суждение заявителя касалось одного единственного эпизода служебной деятельности губернатора, а именно — дачи им инструкций своим помощникам относительно покрытия нехватки бюджетных средств.
- 24.** В своих представлениях в Европейский Суд заявитель также указал, что он действовал добросовестно. Он проверил все факты, излагавшиеся в статье, и национальные суды были вполне удовлетворены их соответствием действительности. Заявитель поэтому высказал оценочное суждение, которое основывалось на солидных и достаточно фактических данных, что отличает его дело от дела «Константинеску против Румынии». С другой стороны, его дело было схожим с делом «Прагер и Обершлик против Австрии», в котором публичное использование более сильного выражения «идиот» [*Trottel*] в адрес политического деятеля не было найдено несоразмерным (см. постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии (№ 2)» [*Oberschlick v. Austria (№ 2)*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-IV, § 34).
- 25.** Европейский Суд согласен с оценкой национальными судами выражения «ненормальный» как оценочного суждения, а не как указание факта. Суд не может, однако, согласиться с их выводом, что в контексте всей статьи заявителя к этому выражению прибегли, чтобы подсказать мысль, что губернатор был сумасшедшим. Европейский Суд отмечает, что статья открывалась описанием содержания отчета по результатам аудиторской проверки, которая выявила нехватку бюджетных денежных средств, выделенных на приобретение мебели для служебных помещений. Заявитель изложил свою точку зрения, в соответствии с которой при таких же обстоятельствах некий воображаемый «нормальный губернатор» попытался бы выявить лиц, ответственных за нехватку средств, привлечь их к судебной ответственности и возместить украденные денежные средства. Заявитель затем сравнил действия этого выдуманного «нормального губернатора» с реакцией на результаты аудиторской проверки со стороны реально существующего губернатора Руцкого, который рекомендовал своим помощникам провести переоценку выполненной работы так, чтобы прикрыть нехватку средств. Статья завершалась изложением мнения заявителя о «ненормальности» государственного должностного лица, дающего такого рода рекомендации. На фоне этих фактов Суд считает, что выражение «ненормальный» — взятое в контексте всей статьи — надлежит понимать в том значении, которое придает ему заявитель, а именно то, что этим выражением описываются действия государственного должностного лица, которые в обстоятельствах дела не представляются надлежащими.
- 26.** Европейский Суд далее вновь подтверждает, что хотя наличие фактов может быть доказано, истинность оценочных суждений не поддается доказыванию. Невозможно выполнить требование доказать истинность того или иного оценочного суждения, и таковое требование нарушает саму свободу мнения, которая является фундаментальной частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг против России», § 30—31, с дополнительными ссылками на прецеденты). Однако остается вопрос, имелось ли достаточное фактическое основание для высказывания в статье, ставшего предметом спора, поскольку даже оценочное суждение, если оно не имеет под собой никакого фактического основания, может выйти за рамки дозволенного (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Иерусалим против Австрии», § 43). В настоящем деле национальные суды были вполне удовлетворены тем, что факты, изложенные в статье заявителя статьи, соответствовали действитель-

ности, — в частности, что касается факта начертания губернатором Руцким письменной резолюции, адресованной его помощникам, о том, чтобы они провели переоценку выполненной работы так, чтобы прикрыть нехватку средств — и отклонил иски требования губернатора в этой части как необоснованные. Из вышеуказанного следует, что оценочное суждение заявителя имело под собой солидное фактическое основание.

27. Наконец, Европейский Суд отмечает, что заявитель проявил осторожность, чтобы избежать двусмысленностей при прочтении сделанного им вывода. Заявитель дал ясно понять, что его указание на «ненормальность» имело отношение к действиям Руцкого, а не к его персоне, и заявитель сделал это в самой статье, то есть до того, как в суд был подан иск о диффамации. Национальные суды не пояснили в своих решениях, почему они отдали предпочтение толкованию высказывания заявителя как наводящего на мысль, что губернатор был психически нездоров, а не тому толкованию, что заявитель просто критиковал недостатки в отправлении губернатором своих обязанностей. В этих обстоятельствах, Суд считает, что необходимость поставить защиту чести, достоинства и деловой репутации политического деятеля выше права заявителя свободно выражать свое мнение и всеобщего интереса к укреплению этой свободы — в тех случаях, когда речь идет о вопросах, представляющих общественный интерес, — не была установлена с достаточной убедительностью.
28. В свете вышеизложенных соображений и принимая во внимание задачу журналистов и прессы по распространению информации и идей по вопросам, представляющим общественный интерес, даже таких, которые оскорбляют, шокируют или тревожат, Европейский Суд считает, что использование выражения «ненормальный» для описания действий г-на Руцкого не вышло за рамки допустимой критики. То обстоятельство, что по своему характеру дело в отношении заявителя в национальных судах было гражданским, а не уголовным, и взысканная с него решением суда сумма была относительно небольшой, не снижает значения того факта, что решения национальных судов не основывались на приемлемой оценке имеющих отношение к делу фактов (см. выше, пункт 17 настоящего постановления). Соответственно, Суд находит, что вмешательство государства в осуществление заявителем своих прав, о котором идет речь по настоящему делу, не было «необходимым в демократическом обществе».
29. По этой причине властями государства-ответчика допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции.

II. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

30. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о выплате компенсации за причиненные заявителю материальный ущерб и моральный вред

31. Заявитель требовал выплатить ему сумму в размере 47 евро в качестве компенсации причиненного ему материального ущерба, что представляет собой сумму, индексированную с учетом инфляции, которую он выплатил

губернатору Руцкому в силу решений национальных судов. Что же касается вопроса о выплате компенсации за причиненный заявителю моральный вред, то заявитель счел, что установление Европейским Судом факта нарушения Конвенции властями государства-ответчика составило бы достаточную справедливую компенсацию.

32. Государство-ответчик согласилось с требованием заявителя выплатить ему сумму в размере 47 евро в качестве компенсации причиненного ему материального ущерба, что представляет собой сумму, которую он выплатил губернатору. Государство-ответчик указало, что заявитель не представил свои расчеты требуемой им индексации.
33. Европейский Суд считает, что имеется причинно-следственная связь между установленным по делу нарушением и предполагаемым материальным ущербом, причиненным заявителю, что касается указания заявителем суммы, которую он должен был выплатить г-ну Руцкому в соответствии с решениями национальных судов. Кроме того, некоторый материальный ущерб должен бы быть причинен заявителю за период времени, прошедший с момента, когда была выплачена указанная сумма, и до момента вынесения Судом своего решения о присуждении компенсации (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг против России», § 39). Поэтому Суд присуждает выплатить заявителю сумму в размере 50 евро в качестве компенсации причиненного ему материального ущерба, плюс сумму любых налогов, подлежащих уплате с указанной суммы.

B. Вопрос о выплате возмещения за судебные издержки и расходы, понесенные заявителем

34. Заявитель требовал выплатить ему сумму в размере 35 000 рублей (1026 евро) в качестве возмещения его расходов на юридическое представительство его интересов в Европейском Суде г-жой Агаповой. Заявитель представил в Суд копию соглашения об оказании юридической помощи и две квитанции об оплате услуг адвоката.
35. В своих представлениях в Европейский Суд государство-ответчик указало, что размер вознаграждения за оказанную юридическую помощь был чрезмерным и необоснованным. Кроме того, государство-ответчик утверждало, что единственным допустимым свидетельством сделанных платежей была бы налоговая декларация представителя заявителя с печатью налоговой службы.
36. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение понесенных им судебных издержек и расходов только в той степени, в какой Суду было продемонстрировано, что такие издержки и расходы были необходимы и действительно были понесены заявителем, и они были разумными, что касается их размеров. Изучив документы, представленные заявителем, Суд признаёт, что заявитель выплатил своему представителю, суммы, оговоренные в соглашении об оказании юридической помощи. Не имеет значения для присуждения компенсации на основании статьи 41 Конвенции то обстоятельство, выплатил ли представитель заявителя налоги с этих сумм. Суд далее считает, что вознаграждение за оказанную юридическую помощь было разумным в том, что касается его размера, и присуждает выплатить заявителю сумму в размере полной суммы, которую он требовал выплатить ему в качестве возмещения за понесен-

ные им судебные издержки и расходы, а именно — 1026 евро, плюс сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

37. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *постановил*, что властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции;

2. *постановил*,

(а) что государство-ответчик должно — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — в течение трех месяцев с момента вступления данного постановления в силу выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие

переводу в рубли по курсу обмена валюты на день выплаты:

(i) 50 (пятьдесят) евро в качестве компенсации причиненного ему материального ущерба;

(ii) 1026 (одну тысячу двадцать шесть) евро в качестве возмещения за судебные издержки и расходы, понесенные заявителем;

(iii) сумму любого налога, подлежащего уплате с указанных сумм;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанной суммы на нее начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка плюс три процента.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 31 июля 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Сорен Нильсен,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Христос Розакис,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

*Перевод с английского языка.
Под редакцией А.И. Ковлера,
судьи Европейского Суда по правам человека,
доктора юридических наук, профессора.
© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда
по правам человека»*